

Социалистическое движение знает несколько драматических надломов в своей истории: крах 2-го Интернационала в 1914-м, торжество контрреволюции в России и Германии, кровавый финал преданной Испанской революции. Однако уже в основании социалистической традиции лежит фундаментальный конфликт, отголоски которого звучат еще и поныне: фатального противоборства Маркса и Бакунина, закончившееся расколом Международного Товарищества Рабочих. В той или иной мере этот конфликт проявлялся в каждом из последующих кризисов, влияя на идейное развитие ведущих социалистических течений.

МАРКС И БАКУНИН

Нет нужды лишней раз повторять канву событий, предшествовавших размежеванию анархизма и социал-демократии. Бегло остановимся лишь на основных интерпретациях этого фундаментального раскола. Анархистами он трактуется как столкновение антиавторитарного крыла Интернационала с государственно-социалистической тенденцией Генерального Совета, стремившегося узурпировать власть в Товариществе; марксистами - как заговор Бакунина против Генсовета с аналогичными целями. Я не собираюсь играть роль адвоката той или иной версии, поскольку это значило бы пойти по накатанной колее, акцентируя внимание на противоречиях Маркса и Бакунина. Мне же хочется, не игнорируя этих различий, обратить внимание читателей на то общее, что, несомненно, объединяло легендарных антагонистов.

В марксистской историографии советского периода мы находим ряд стандартных обвинений в адрес Бакунина:

1. Отрицание диктатуры пролетариата;
2. Идеализация русской крестьянской общины;
3. Революционный авантюризм, замешанный на воспевании стихийно-социалистического и бунтарского инстинкта масс;
4. Ставка на низшие, наиболее обездоленные слои рабочего класса и крестьянства, а также на люмпен-пролетариат;
5. Несостоятельность бакунинского тезиса об уравнении классов;
6. Панславянский шовинизм Бакунина, его представления о революционной миссии русского народа.

Понятие диктатуры пролетариата является, по-видимому, наименее определенным, во всем наследии Маркса и Энгельса. Альбер Камю отмечает: «В этом пункте Маркс постоянно себе противоречил. Он отметил лишь, что общество исторически вынуждено пройти через диктатуру пролетариата. Что же касается характера этой диктатуры, то здесь его определения противоречивы».

В «Гражданской войне во Франции», появившейся накануне раскола, Маркс пишет: «(...) Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни... Коммунальное устройство вернуло бы обществу всему телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, государство, кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение... Самое существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней... Коммунально-федеративный строй, устанавливаемый непосредственно в ходе революции, сразу же упраздняет бюрократию (выборность и сменяемость должностей, императивный мандат), постоянную армию и полицию (... постоянное войско должно быть заменено... народной милицией с самым непродолжительным сроком службы)». Сравним эти строки с высказыванием Бакунина того же периода («Кнуто-германская империя»): «Революция одновременно распространит повсюду и приобретет федералистский характер. Свергнув существующее правительство, коммуны должны будут революционно реорганизоваться, избрать руководителей, администрацию и революционные трибуналы, основанные на всеобщем избирательном праве и на реальной ответственности всех чиновников перед народом. Для защиты революции их добровольцы сформируют одновременно коммунальную милицию...»

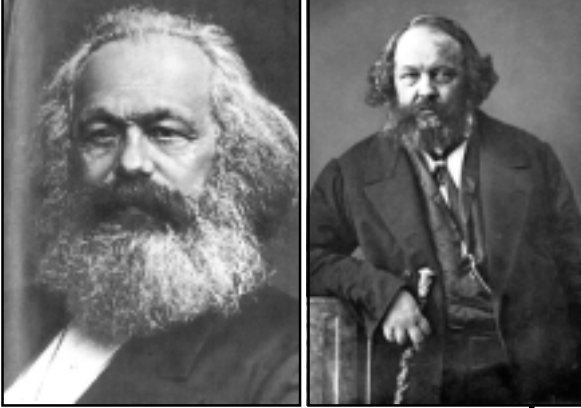
Во введении Энгельса к «Гражданской войне во Франции», написанном спустя 7 лет после смерти Маркса, похожий социал-федералистский строй определяется термином диктатура пролетариата.

Здесь же Энгельс отмечает: «... В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата».

Таким образом, мы видим, что в начале 70-х годов между Марксом и Бакуниным было много общего в вопросе о диктатуре пролетариата. Оба они предстают вождями одной и той же революционной партии рабочего класса.

Точно также, вопрос о будущем русской крестьянской общины не имел для Маркса одно-

значного решения (во всяком случае, в период полемики с Бакуниным). Знаменитые три наброска письма к Вере Засулич, отразившие колебания Маркса в отношении переклеста общинного хозяйства, появились в 1881 году, т.е. спустя пять лет после смерти Михаила Александровича.

Что касается обвинений Бакунина в революционном авантюризме, то они имеют явственно обвинительский привкус. Такого рода обвинения звучали и в адрес большевиков в 1917-м, и в адрес кубинских революционеров в конце 50-х, и в разгар красного мая 1968-го. В январе 1923 года, в работе «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» вождь большевиков Владимир Ленин вспоминал совет Наполеона: сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет. Далее Ленин пишет: «Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или нэп и т. п. И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу». Разве и здесь перед нами не авантюризм революционера?

Столь же несостоятельны и попытки представить Бакунина врагом всяческой организации. Скорее, можно упрекнуть его в обратном - в преувеличении роли меньшинства, тайного ордена профессиональных революционеров, не только бунтующих народ, но и руководящих социалистическими преобразованиями. Что и отразилось в принципах построения знаменитого бакунинского Альянса. Все кто вступал в организацию делились на три группы: интернациональные братья, национальные братья, члены полутайной, полупоткрытой организации Международного альянса социалистической демократии. Устав «интернациональных братьев», помимо прочего, гласил: «10. Организация интернациональных братьев подразделяется следующим образом: А. Генеральный комитет или конституанта. В. Центральный комитет. С. Национальные комитеты».

А. Генеральный комитет
Это собрание всех или по крайней мере двух третей интернациональных братьев, регулярно созываемых либо в установленные сроки, либо большинством центрального комитета на чрезвычайное совещание. Он является высшей учредительной и исполнительной властью всей нашей организации и может изменять ее программу, уставы и органические статуты. (...)

Относительно «национальных братьев» устав отмечает: «14. Национальные братья должны быть организованы в каждой стране таким образом, чтобы они никогда не могли уклониться от руководства со стороны общей организации интернациональных братьев, в частности от руководства генерального комитета и центрального комитета. Их программы и уставы могут окончательно вступить в силу лишь после получения санкции центрального комитета».

15. Каждый национальный комитет имеет право, если находит это целесообразным, установить две категории национальных братьев: а) категорию национальных братьев, которые знают друг друга по всей стране, и б) категорию братьев, которые знают друг друга лишь в пределах небольших групп. - Национальные братья ни в коем случае не должны даже подозревать о существовании международной организации».

Напомним, что имея за спиной такой Альянс, Бакунин обвинил Генеральный Совет Первого Интернационала в попытке узурпировать власть в Интернационале...

Разумеется, нельзя проводить прямых параллелей между интернациональным братством Бакунина и партией ленинского типа, как это делалось и делается многими исследователями и публицистами. Однако какая-то преиспещенность здесь возможна, особенно если учесть, что многие деятели русской социал-демократии, включая Плеханова и Аксельрода, сформировались под влиянием бакунизма. Безусловно, взгляд Бакунина на революцию, был взглядом романтика (и в этом романтизме кроется непреходящее обаяние бакунинского наследия). Однако это был и взгляд революционного практика.

Бакунин никогда, в отличие от Кропоткина, не отрицал необходимости более или менее дли-

тельного переходного периода, предшествующего полному воплощению социалистического идеала. Пользуясь более поздней терминологией, этот переходный строй можно определить как федеративную рабоче-крестьянскую республику, экономическим базисом которой являлись бы свободные ассоциации трудящихся в промышленности и сельском хозяйстве. Эта переходная система сохраняет такие атрибуты государства, как писаное право, армию (организованную по милиционному типу), представительные органы и т.д. Иными словами, мы видим здесь диктатуру пролетариата и крестьянства, основанную, однако, на самоуправленческих и федералистских началах.

Что, впрочем, вовсе не гарантирует этой диктатуре переход на рельсы коммунистического производства, при котором преодолены рынок, наемный труд и товарно-денежные отношения. А значит, говоря словами Маркса, тут может возродиться вся старая мерзость. Как это происходит, мы видим на примере СССР...

Предметом особенно острых противоречий Маркса и Бакунина, считается ставка последнего на чернорабочий люд, эпатазирующие призывы объединиться с диким разбойничьим миром. К примеру, в своем главном труде «Государственность и анархия» Бакунин критикует «привилегированных, благодаря значительному заработку» рабочих и утверждает: «В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором господина Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзывается с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции».

Чем же была продиктована такая позиция Бакунина, только ли соображениями революционной риторики, как часто можно услышать? Точно также как бакунинская критика диктатуры пролетариата была на деле направлена против концепции народного государства немецких социал-демократов, прежде всего Лассалля (позицию которого Бакунин ошибочно отождествлял с марксовой), его (Бакунина) акцент на борьбе пауперов, был реакцией на реформизм представителей рабочей аристократии. В связи с этим стоит привести цитату из Переходной программы 4-го Интернационала Л. Троцкого: «Профессиональные союзы, даже наиболее могущественные, охватывают не более 20-25% рабочего класса, притом преимущественно его более квалифицированные и лучше оплачиваемые слои. Наиболее угнетенное большинство рабочего класса вовлекается в борьбу только эпизодически, во время исключительных подъемов рабочего движения. В качестве организации верхних слоев пролетариата, профессиональные союзы, как свидетельствует весь исторический опыт, развивают могущественные тенденции к примирению с демократическим буржуазным режимом». К тому же как в России, так и в романских странах, на которые прежде всего ориентировался Бакунин, пролетариат в то время находился еще на стадии формирования, представляя, по сути, пауперизированную крестьянскую массу, оторванную от земли и ведущую полубродячий образ жизни.

Марксистские начетники тогда и позднее делали вывод о том, что раз в России нет зрелого пролетариата, социалистическая революция здесь невозможна. Однако сам Маркс, как известно, отнюдь не был столь догматичен. Он считал, что русская община, при условии ее поддержки пролетарской революцией на Западе, может стать для России мостом в коммунизм.

Скажем несколько слов о пресловутом уравнении классов, которое преувеличенно ставят в вину Бакунину все советские учебники. Вот что говорится об этом в Обращении Генсовета Интернационала Центральному бюро Альянса от 9 марта 1869 года: «Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к гармонии капитала и труда. Не уравнение классов бессмыслица, на деле неосуществимая, наоборот, уничтожение классов вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих». Если, однако, иметь в виду контекст, в котором находится эта фраза, то она кажется вкрадшейся туда простой оплошностью. Конечно, Бакунин не был экономистом, признавая себя в этой области учеником Маркса. Страстный, небрежный стиль Бакунина был чужд научной точности и законченности марксовых формулировок. Если к Марксу более всего подходит сравнение с гениальным, терпеливым, ваятелем, высекающим из бесформенной глыбы мрамора совершенные формы, то Бакунин прежде всего трибун, повстанец, воплощение революционного героизма. «Зайдем огня у Бакунина!» - этот призыв А. Блока как нельзя лучше отражает пламенную натуру великого революционера, олицетворявшего собой бунт.

Наконец, стоит осветить проблему панславизма и шовинизма Бакунина. При поверхностном изучении его трудов, таких, например, как «Кну-

то-германская империя», бросаются в глаза резкие, «выпады» против жидов и, особенно, немцев. Часто Бакунин обращается к славянскому патриотизму: «Мы будем стремиться, вместе со всем племенем Славянским, к осуществлению заветной Славянской мечты: к созданию Великой и вольной федерации Всеславянской, где каждый народ, велик или мал, будет вместе вольным и братским с другими народами связанным членом; чтобы каждый стоял за всех и все за одного и чтоб не было в братском союзе особенных государственных сил, чтоб не было ничьей гегемонии, но чтоб существовала единая и нераздельная общеславянская сила». («Народное дело»). Большую роль в объединении славян Бакунин отводит русскому царю: «Редко русскому царю выпадала на долю такая величайшая, такая благородная роль. Александр II мог бы так легко сделать народным кумиром, первым русским земским царем, могучим не страхом и не гнусным насилием, но любовью, свободой, благоденствием своего народа. Опираясь на этот народ, он мог бы стать спасителем и главой всего славянского мира. Для этого не нужно было ни гения, ни даже той макиавеллистической науки, которую так искусно и так усиленно держатся другие. Нужно было только широкое, в благодушии и правде крепкое русское сердце. Вся русская, да и вся славянская живая деятельность просилась ему в руки, готовая служить пьедесталом для его исторического величия». (там же)

Следует, однако, заметить, что подобный шовинизм был свойствен не одному Бакунину, но и всей эпохе, в которой он жил. Так, в «Революции и контрреволюции в Германии» Энгельса читаем: «Умирающая чешская национальность (!) сделала последнее усилие вернуть себе свою былую жизнеспособность, и крушение этой попытки должно, независимо от всех революционных соображений (!!!), доказать, что Богемия может впрямь существовать лишь в качестве составной части Германии, даже если бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить не на немецком языке». Еще более определенно Энгельс высказывается в своем ответе на Воззвание к славянам Бакунина: «Ближайшая мировая война несет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные нации. Это тоже составляет часть прогресса». Таким образом, панславизм Бакунина и пангерманизм классиков марксизма, друг друга стоят. Вместе с тем, отмечая неприемлемые с точки зрения современности взгляды революционеров 19 столетия, необходимо учитывать контекст эпохи, в которую они жили. В 19 веке расистские теории еще не были осуждены как антинаучные и активно развивались. Однако ни у Энгельса, ни у Бакунина мы не найдем и тени расистского биологизаторства. Еще в большей степени была распространена так называемая психология народов, согласно которой каждая национальность обладает набором особых стереотипических черт и представляет собой нечто вроде единого тела с присущим ему сроком жизнедеятельности. В шовинистических высказываниях Маркса, Энгельса и Бакунина заметно влияние именно этой - культурно-психологической - теории, во многом напоминающей теорию пассионарности Л. Гумилева. Все вышесказанное, однако, ничуть не ставит под сомнение интернационалистского, классового ядра мировоззрения родоначальников марксизма и анархизма.

Корни конфликта Маркса и Бакунина, который часто считается чем-то вроде битвы света и тьмы, нужно искать не столько в фундаментально-теоретической области, сколько в области актуальной политики того времени. Раскол Интернационала был обусловлен прежде всего тактическими разногласиями, связанными с гибелью Парижской Коммуны и повсеместным наступлением реакции. Романские федерации, избравшие повстанческую тактику борьбы, дали начало широкому анархистскому и анархо-синдикалистскому движению в Испании, Италии и Франции, вписавшему яркие страницы в историю классовой борьбы пролетариата. Немецкая социал-демократия, ставшая официальной душеприкащиком наследия Маркса и Энгельса, сыграла не меньшую, хотя и более противоречивую роль в истории. Раскол в Интернационале и вызванное им взаимное отчуждение привели в конечном итоге к деформации как анархизма, так и марксизма.

Синдром Маркса (по выражению французского историка А. Скирды), свойственный анархистам к. 19 - н. 20 вв. стал причиной разрастания индивидуалистских, идеалистических тенденций в мировом либертарном движении.

Революционный реализм Бакунина, его стремление к прочным организационным формам, были надолго отброшены и забыты. С другой стороны, европейская социал-демократия пошла по пути бюрократизации, ревизии марксистского учения о государстве, выхолащивания революционного содержания коммунистической идеи. Два титанических потока в рабочем движении XX века революционный марксизм и анархо-синдикализм были в огромной мере попыткой возрождения духа и принципов Международного Товарищества Рабочих, глубинного единства великих антагонистов Маркса и Бакунина.

Эпоха глобализации ставит в повестку дня всемирную социальную революцию, что требует единства революционных сил. Поэтому новую актуальность приобретает резолюция рабочих-социалистов принятая в день похорон Бакунина: «Рабочие пяти национальностей, собравшиеся в Берне на похороны Михаила Бакунина, будучи одни сторонниками рабочего государства, другие - свободной Федерации обществ производителей полагают, что примирение между ними было бы не только очень полезно и весьма желательным, но и легко осуществимо на почве принципов, формулированных в пункте 3 статута Интернационала, пересмотренных конгрессом 1873 г. в Женеве».

Иван Овсянников,
«Социалистическое сопротивление»
Ярославль